

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Д. МИХАЙЛОВ

ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ специфики «напряженности между наукой и культурой» в развивающихся странах по сравнению с Западом необходимо обратиться к тому историческому периоду, когда она возникла.

НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО

В докапиталистическую эпоху этой специфики, по-видимому, не было. Для докапиталистического (традиционного) общества, где бы оно ни существовало, на Британских или Японских островах, характерно стремление к сохранению уже сложившихся способов и приемов труда, настороженное, враждебное отношение к любым нововведениям. И в Европе и в Азии эта враждебность, как правило, принимала религиозную форму. Сходство Востока и Запада в этом отношении подметил еще В. Бартольд. В своем труде «Культура мусульманства» он пи-

сал, что «для религиозных кругов и простого народа Ибн Сина сделался главным представителем нечестивого мудрствования и подобно средневековому доктору Фаусту своего рода колдуном» (разрядка наша. — М. Д.). Для своих соотечественников Улугбек был таким же еретиком, как Джордано Бруно — для своих. И если мусульманским фанатикам на устранение Улугбека понадобилось несколько больше времени, чем инквизиции на расправу с Бруно, то это объясняется, по-видимому, не тем, что в самаркандском обществе XV века «напряженность между наукой и культурой» была меньшей, чем в римском XVI века. Просто Улугбек был не только астрономом, но и всесильным правителем, главой династии Тимуридов. Разумеется, и на Востоке и на Западе ученых далеко не всегда убивали. История древности и средних веков дает нам длинный список имен блестящих ученых. Однако очевидно, что в докапиталистическом обществе, особенно в средние века, наблюдался отрыв науки от практики; огромная дистанция, почти пропасть, отделяла науку от масс;

связи науки с самым динамичным элементом культурного прогресса — развитием средств и орудий производства — были спорадическими.

Кардинальное изменение роли науки в жизни общества произошло в ходе промышленного переворота XVIII—XIX веков и сопутствовавшего ему окончательного утверждения в основных западноевропейских странах капитализма — социальной системы, основанной на машинном производстве. Машинная промышленность, как отмечал К. Маркс, «постоянно производит перевороты в технической базе производства»¹. Этот революционный характер технической базы производства сделал капитализм первой социальной системой, ориентированной на изменения. Если в условиях докапиталистических обществ лишь некоторые стороны производства давали толчок развитию научных знаний, а производство в целом развивалось на основе эмпирического знания, то для обеспечения машинного производства эмпирического знания

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 10 за 1971 год.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 498.

было уже недостаточно. В капиталистическом обществе наука впервые проявила свои потенции в качестве непосредственно производительной силы. В культуре этого общества науке отводилось соответствующее место, что вело в тенденции к созданию обстановки, благоприятной для развития науки.

ВЛИЯНИЕ КОЛОНИАЛИЗМА

Пути развития капитализма в большинстве стран Азии и Африки оказались отличными от западноевропейского варианта. В этом, как представляется, и следует искать корни той специфики, которая характеризует «напряженность между наукой и культурой» в сегодняшнем «третьем мире».

Страны Азии и Африки стали объектом колониальной экспансии со стороны европейских государств. Колониализм наложил отпечаток на весь процесс социальной эволюции колоний. Он обусловил, в частности, особенности развития культуры в целом и науки в частности. С одной стороны, колониальная эксплуатация, затормозив развитие производительных сил, надолго отсрочила появление промышленной базы для превращения науки в непосредственную производительную силу. С другой стороны, в ходе приспособления социального развития колоний к потребностям колониальных держав в странах Азии и Африки искажались «нормальный» процесс капиталистического развития, создались своеобразные системы производственных отношений. Стремясь выработать максимально выигрышные методы эксплуатации колоний, колонизаторы приспособивались к местным условиям, использовали многие виды докапиталистических типов производства. Общая культурная обстановка для развития науки и техники в создавшемся многоукладном обществе была далеко не столь благоприятна, как на капиталистическом Западе. Для представителей докапиталистических укладов, пусть даже несколько трансформированных в процессе приспособления к нуждам западного капитализма, идея научно-технического прогресса была практически столь же чуждой, как и для их предков. Больше того, жестокая конкурентная борьба с машинной промышленностью, которую ремесленник сплошь и рядом ока-

зывался способным выдерживать только ценой физического истощения, приводила к тому, что в глазах этого ремесленника научно-технический прогресс становился главным злом.

Это явление характерно не только для афро-азиатских стран. Г. Торо, уходя в лесное уединение, идеализируя жизнь на лоне природы и противопоставляя натуральное хозяйство городской цивилизации, выражал стихийный протест мелкого производителя против разорявшего его капитализма. «Опрощение» Льва Толстого отражало страх патриархального русского крестьянина перед стремительно надвигавшимся на него новым общественным строем. Такое смещение понятий характерно для стадии перехода к капитализму, когда, по словам В. И. Ленина, «весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»².

В афро-азиатских странах, подвергшихся колониальной экспансии, эпоха «ломки» докапиталистических и становления капиталистических отношений чрезвычайно затянулась. Свойственная этой эпохе идиосинкразия обыденного сознания к научно-техническому прогрессу проявлялась в них из поколения в поколение.

Важно отметить, что включение стран Востока в систему колониальной эксплуатации привело к тому, что ремесленник в этих странах испытывал конкуренцию преимущественно не со стороны местной, а со стороны европейской машинной промышленности. И без того жестокий «нормальный» процесс разорения мелкого производителя принял в условиях колониального подчинения поистине варварские формы. Так, английская промышленность обрела буквально на смерть тысячи индийских ткачей. Даже английский генерал-губернатор лорд Бентинк вынужден был признать, что «примера столь же жалкого и бедственного положения, в каком находятся индийцы, не най-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 102.

ти нигде в мире. Поля Индии покрыты костями ткачей».

В странах, попавших в положение полуколоний, конкуренция европейской промышленности принимала не столь убийственные формы, но все же ощущалась весьма остро. Вот свидетельство, относящееся к Персии 30-х годов XIX века: «Ввезение ситцев в Персию имело пагубные последствия для самого края, фабрики которого (имеются в виду ремесленные мастерские. — М. Д.) пришли мало-помалу в совершенный упадок, не быв в состоянии поддерживать соперничество с дешевыми произведениями европейских фабрик».

В свете сказанного не удивительно, что научно-технический прогресс многими воспринимался в колониальных и полуколониальных странах прежде всего как часть чуждой и ненавидимой культуры завоевателей.

Двойного оптического обмана, при котором ответственность за бедствия, приносимые представителям докапиталистических укладов капитализмом и всей нации — колониализмом, перекладывается на научно-технический прогресс, не смогли полностью избежать даже некоторые выдающиеся деятели национально-освободительного движения.

Выше были рассмотрены некоторые особенности формирования материальной и духовной культуры в странах Востока в колониальный период, обусловившие известную специфику «напряженности между наукой и культурой» в этих странах. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что колониализм мог задерживать социально-экономический прогресс народов Востока, но не мог отменить объективных законов общественного развития. Он затормозил рост культуры поработенных стран, но не мог повернуть его вспять. Несмотря на неблагоприятные исторические условия, вопреки барьерам, которые колонизаторы воздвигали между культурами различных народов, культура стран Востока развивалась как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Правда, резко замедлив процесс развития производительных сил в этих странах, колониальное господство в значительной мере ухудшило условия для развития такой специфической отрасли культуры, как наука. Особенно это относится к точным и естественным наукам. Но и эти отрасли научного знания, хотя их развитие и шло в основном за

пределами стран Востока, не превратились во что-то чуждое национальной культуре.

НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛИЗМА

В сегодняшнем «третьем мире» проблемы, возникшие на предыдущем историческом этапе и создавшие специфическую «напряженность между наукой и культурой», далеко не преодолены.

Современная наука требует наличия развитой производственной базы, которой в большинстве стран «третьего мира» на сегодняшний день нет. В этом смысле условия для развития современной науки здесь пока значительно менее благоприятны, чем в развитых странах, достигших высокого уровня материальной культуры. Несмотря на значительно ускорившийся в годы независимости процесс разложения традиционных укладов, наличие этих укладов остается и, по-видимому, еще долгое время будет оставаться характерной чертой большинства афро-азиатских стран. Представители этих укладов продолжают быть носителями традиционных навыков, привычек, предрассудков. Эти навыки, привычки и предрассудки длительное время сохраняют и те массы людей, которые вытесняются конкуренцией из привычных рамок своего уклада, но не могут приспособиться к современному производству. В глазах представителей традиционных укладов и пауперизованных элементов научно-технический прогресс остается чем-то чуждым.

То обстоятельство, что наука развивается (речь идет прежде всего о естественных и технических науках) по-прежнему преимущественно за пределами «третьего мира» — в развитых капиталистических и социалистических странах, ведет к возникновению у ряда исследователей иллюзии несовместимости науки и национальной культуры афро-азиатских стран.

В действительности научно-техническому прогрессу противостоит не национальная культура в целом, а элементы этой культуры, сложившиеся в недрах таких укладов, на базе таких производственных отношений, которые ответственны более низкому уровню производительных сил, чем достигнутый человечеством сегодня. В силу относительной самостоятельности культурного развития эти элементы (часто в форме

религиозных установок) продолжают существовать и тогда, когда породивший их тип производственных отношений ушел или уходит в прошлое. Думается, что именно это имел в виду Дж. Неру, когда писал: «Мы должны освободиться от традиционных методов мышления и образа жизни, которые, хотя и принесли, быть может, немало пользы в прошлом (а в них было немало хорошего), но в настоящее время потеряли свое значение». Представляется возможным, например, что каста на ранних этапах своего существования сыграла известную роль в повышении производительности труда. Однако в настоящее время каста и соответствующие принципы организации производства в том виде, в каком они сложились в предшествовавший период, являются препятствием на пути развития производительных сил. Весьма красноречивый пример приводит в одной из своих работ норвежский исследователь А. Клаузен.

В одном из районов Индии была сделана попытка ввести усовершенствованные методы разведения домашней птицы. Поскольку птицеводство считается «нечистым» занятием, то было решено обратиться к одной из местных каст «неприкасаемых», которая уже практиковала птицеводство. Предполагалось, что представители этой касты должны быть заинтересованы в применении новых методов, которые могли бы повысить их жизненный уровень. Но не было учтено одно обстоятельство. неприкасаемые, о которых идет речь, формально были кастой ткачей, а птицеводством занимались как побочным ремеслом, которое может быть оставлено в любой момент. Задуманная же программа усовершенствований требовала перехода к птицеводству как профессиональному, систематическому занятию. А к этому ткачи не были готовы: в том же районе аналогичная каста недавно сумела повысить свой статус в кастовой иерархии благодаря «ритуально чистому» поведению. Члены касты, на которую рассчитывали организаторы программы, не захотели формально связывать себя с «нечистым» занятием, поскольку это исключало для них возможность подняться на несколько ступенек выше в кастовой иерархии.

Возьмем другой пример пережиточного культурного явления. Сохранившееся в некоторых восточных религиях нетерпимое отношение к предострашению бе-

ременности женщин было, несомненно, оправданным в те времена, когда медицина была развита слабо и смертность — очень высока. Известно, какие трудности создает это религиозное установление сейчас для проведения научно обоснованных программ контроля над рождаемостью.

Некоторые из старых обычаев вообще вряд ли имели смысл во многих странах, куда они были занесены извне. Вот что пишет советский исламовед Р. Мавлютов: «Обычай соблюдать пост заимствован мусульманами у древних арабов. В далеком прошлом в самое знойное время года в Аравии кочевники из-за наступившей бескормицы ограничивали себя в пище, берегли продукты, а значительную часть хозяйственных дел из-за жары переносили на вечер и ночь. Этот обычай сохранился и тогда, когда возник ислам». Сейчас этот обычай не только не оправдан (по крайней мере для большинства стран), но и приносит вред хозяйству, так как те, кто соблюдает пост, не могут работать в полную силу, ослабевают физически, а это сказывается на результатах их труда».

Специфика национальных культур в развивающихся странах, особенности «напряженности между наукой и культурой» в «третьем мире» заключаются не в наличии такого рода пережиточных элементов. Эти элементы есть, — может быть, в более смягченной форме — в культуре всех народов. Например, враждебное отношение к контролю над рождаемостью не монополизировано некоторыми восточными религиями. Его разделяет одна из самых что ни на есть «западных» религий — католицизм. Что касается поста, то он тоже предписывается не только исламом. Посты обязательны, например, для приверженцев православной веры.

Специфика национальных культур «третьего мира» состоит в том, что в них многие пережиточные элементы еще не стали «пережиточными» в полном смысле этого слова. В афро-азиатских странах сохраняются традиционные уклады, в недрах которых эти элементы продолжают воспроизводиться. Для тех индийских крестьян, которые до сих пор живут в условиях традиционных укладов, принадлежность к касте, при всех вытекающих из нее отрицательных моментах, еще не лишена известного экономического смысла.

(Окончание следует)

Терракотовая головка, выполненная мастерами Бенина (Нигерия)